

Федченко Олег Дмитриевич,
независимый исследователь,
Брянск, Россия.

Fedchenko Oleg Dmitrievich,
independent researcher, Russia, Bryansk,
ORCID 0000-0003-2810-9860

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АНТРОПОНИМОВ,
УПОМИНАЕМЫХ В НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ
ORIGIN OF ANTHROPONYMS MENTIONED
IN NOVGOROD BIRCH BARK LETTERS

Аннотация: В статье рассматривается проблема происхождения имен, упоминаемых в берестяных грамотах, найденных в Новгороде. Изучены антропонимы, которые исследователи относили к скандинавским. Однако, этимология данных имен находит свое объяснение в балто-славянской языковой среде. С другой стороны, к скандинавским были причислены имена христианских святых, мучеников, которые имеют греческое и латинское происхождение. Анализ антропонимов доказывает, что участие скандинавов в общественной жизни Древней Руси было ничтожным.

Abstract: The article examines the problem of the origin of names mentioned in birch bark letters found in Novgorod. The anthroponyms that researchers attributed to Scandinavian are studied. However, the etymology of these names finds its explanation in the Balto-Slavic language environment. On the other hand, the names of Christian saints and martyrs, which have Greek and Latin origins, were attributed to Scandinavian. The analysis of anthroponyms proves that the participation of Scandinavians in the public life of Ancient Rus was insignificant.

Ключевые слова: Древняя Русь, Новгород, берестяные грамоты, варяги, балты, славяне, скандинавы.

Keywords: Ancient Rus, Novgorod, birch bark letters, Varangians, Balts, Slavs, Scandinavians.

Громкое место в истории Древней Руси исследователи отводят скандинавам. Этноним русь, имена первых князей, археологические артефакты – все это по поводу и без сваливается в одну кучу скандинавского происхождения. Хотя, например, в летописях особо отмечено, что русь – не свеи, не готы, не урмане, не агляне, но варяги, которые «сидят по морю Варяжскому» [6, стлб. 4].

Так, военачальник **Æкунь/Якун**, который с легкой руки исследователей, якобы был «слепым», оказался вполне зрячим, имевшим плащ, расшитый золотом. А его антропоним имел балтское происхождение, значение которого подчеркивало высокий социальный статус носителя («знатный человек») [11]. Имя это встречается не только в летописях, но и в бытовой переписке – в новгородских берестяных грамотах. При этом, в один ряд с Якуном исследователи ставят еще несколько имен новгородцев, приписывая им скандинавское происхождение. Однако, в этот список попадают и топонимы, что может указывать на поверхностный анализ старинного материала.

В число антропоним якобы скандинавского происхождения включен географический объект **Гоугморо** наволоки, в котором разглядели личное «божественное» имя *Guðmarr* (*Guð* – «божество», *-marr* «знаменитый») [21, с. 84, 163], а то, как будто, есть божество незнаменитое), правда, немножко подправив *ð*- на *g*-, чтобы получить нужную этимологию [5, с. 10]. Однако,

если мы обратимся к первоисточнику – грамоте №2 с Неревского раскопа, то увидим, что Гоугморо и Великомо имеют идентичную словообразовательную модель и являются названиями в первом случае наволоки, во втором – острова, т. е. это обычные топонимы. И оба этих топонима встречаются в грамотах неоднократно и локализируются в Водлозерском погосте, где имеется в Водлозере Великий Остров и Гугмор наволок, а также Гостилов наволок [16, с. 88]. И вновь отмечаем, что относительно Гостилова Наволока в грамоте №2 упоминается сам хозяин Гостилов, тогда как относительно Гоугмор наволока используется топонимический термин. Сам Гоугмор (собственно, древнерусс. море «море, озеро» [7, т. 2, стлб. 174], т. е. Гоугозеро) соответствует названию озера Гаужозеро, которое входит в озерную систему (бассейн) Водлозера. Там же протекает и река Гаужа, т. е. никакого отношения к скандинавским антропонимам указанные топонимы не имеют, а являются местными гидронимами.

Еще одно «божественное» скандинавское начало исследователи приписали слову *азгут* (азъгоутъ), упомянутому в грамоте №526 с Троицкого раскопа [3, с. 26]. Проводится параллель с антропонимом *Asgautr*, этимологию которого связывают с *ass* «бог, асс» (хотя делается замечание, что как самостоятельное имя это слово не встречается, что может служить указанием на префикс – прим. Ф. О.) и *gautr* «человек племени гаутов» [5, с. 13; 21, с. 28, 76], из чего совсем непонятно, то ли это человек, то ли бог, то ли представитель племени (хотя это и не важно, главное же, удалось найти похожие скандинавские корни, а смысл в имени и не нужен). Однако, чтобы разобраться с этим вопросом, стоит обратиться непосредственно к содержанию грамоты №526. Выделим фразы с персоналиями:

«На Бояне въ Роусе...
на Житоб (о)уде въ Роусе...
На Лоуге на Негораде...
На Добровитесь людьми...
На Нежьке на Пръжневици...
На Сироме...
На Шелоне на Добромысле...
На Животтъке...
Серегери на Хъмоуне и на Дрозде...
На Азьгоуте <и> на Погощахъ...
Дубровъне на Хрипане...» [3, с. 26].

Структура текста определяет при упоминании личного имени с топонимом, что для населенного пункта используется предлог *в* (в Русе), а для местности применяется предлог *на*, при этом, название местности стоит первой (на Шелони, <на> Серегери и т. д.). В таком случае, учитывая, что во второй модели обычно указывается гидроним, можно предположить, что и *Азгута* является рекой или озером. Тогда можно утверждать, что речь в грамоте ведется о реке Оскуя (белорусс. Аскуя), которую древне-русский автор записи привел в предложном падеже «на Азгоу-те» (< на Оску-те). Следовательно, местность, должники которой обязаны были оплатить долг или сделать платеж, располагалась в бассейне рек Оскуя и Пчезва (там же имеется и поселение Будо-гощъ). Таким образом, вновь местный гидроним исследователи пытаются выдать за имя скандинава.

К скандинавским антропонимам также отнесены и упомянутые в грамоте №2 имена **Въльют** (овыхо) и **Воземоут** [5, с. 11]. Для **Вельюта** предлагается аналог выдуманного скандинавского антропонима *Vev-ljovtr*, в котором *Vev-* «языческое святилище» и *ljovtr* «светлый», т. е. получаем смысловую абракадабру «светлое языческое святилище». Кроме того, приведенный первый компонент в виде *-veR* употребляется в скандинавских именах только вторым элементом [21, с. 249], а очень редкий, буквально, единичный случай, *ljovtr* то ли от *ljotr* «уродливый», то ли от германского *leuhtra* «яркий, блестящий» [21, с. 160], может

указывать на скандинавскую огласовку заимствованного антропонима, восходящего к балто-славянскому *liūtas/*lūtš* «толстый; жестокий, хищный» [15, вып. 15, с. 231-236; 20] (от этого и имя Лют, которое некоторые исследователи пытаются отнести к скандинавским). В то же время, рассматриваемый антропоним Вельют находит простое объяснение в литовском *vėliūtis* «поздний, поздно рожденный» [20; 23, с. 733] (можно сопоставить, например, с русской фамилией Поздняков).

Чтобы сделать «исконно скандинавским» именем **Воземоут**, исследователям пришлось придумать манипуляцию уже посложнее, при которой *Guð*- превращается не в *Гоуг*- (см. выше *Гоугморо*), а в нужный теперь *Воз*-. Да, и второй компонент можно подкорректировать, чтобы из *mundr* вышел *моут* [5, с. 11], ведь главное – любой ценой притянуть хоть что-то из скандинавского именованного. В такой логике даже славянский Баламут превращается в скандинава от *ballr* «ужасный, смелый» или *bolllr* «шар, пуля» [21, с. 39] и выше упомянутый *mundr* «покровитель» [21, с. 39]. Нам же в баламуте «беспокойный» [15, вып. 1, с. 145-146] интересен корень *-мут* (от *моутити* «волновать, смущать» [7, т. 2, стлб. 196]), но не с приставкой *бал*-, а с префиксом *воз*- [7, т. 1, стлб. 282], что определяет древне-русское имя Воземут, как «очень беспокойный». Кстати, среди новгородцев и суздальцев встречались и Баламут, и Возгорь.

Бессмысленностью и отсутствием словообразовательной модели грешит приписываемое к скандинавским имя **Вигарь**, встречающееся в берестяной грамоте №130. Вновь предлагается в качестве первого элемента *Vev*- (см. выше – Вельют), который теперь звучит, как *Ви*-, а второй компонент представлен как *geirr* «копье» [5, с. 12], т. е. «копье святилища». Есть «финская» версия от *vihreä* (диалектное *viherä*) «зеленый, (марийский) молодой» [Хельминский 2000: 12, с. 345; 24]. Однако, есть более приземленное значение антропонима из славянского *вихорь/ви́харь/vihər* [9, т. 1, с. 324], который и дал в новгородской среде огласовку Вигарь. Тогда значение имени можно определить, как «шустрый, проворный» [8, ч. 1, с. 184].

К скандинавским пытаются отнести имя **Стен** (ь) из берестяной грамоты №249, для которого проводят параллели антропонимом *Steinn* от *steinn* «камень» [5, с. 12; 21, с. 209], хотя, например, *Stein-laug* будет иметь значение «камень, вступающий в брак» [21, с. 157], что вызывает сомнение в приведенной этимологии новгородского жителя. В то же время антропонимический корень *Stein-/Sten-* нередко встречается в прусском именованном [25, с. 150-151]. Тогда объяснение имени может восходить к литовскому *stainus* «кто красив во всем; уважаемый, знаменитый» [20]. Кстати, тезкой новгородца можно назвать предполагаемого рюрикова правнука *Прастѣна* (усиливающий префикс *pra-* [20]), упомянутого в русско-византийском договоре 945 года [10].

Исследователи пытаются связать со скандинавским персонажем *Ragnvaldr* (Ульвссоном новгородского посадника **Гюрятю Роговича** [2, с. 95]). Присутствие в родовом именованном антропонимов *Якун* (этимологию см. выше) и *Мирослав* может указывать на балто-славянское происхождение семьи посадника. Так, имя отца *Гюрата* происходит от балтского *ragas* «рог; символ власти, могущества» (в славянском передается как *rog*) [19, с. 374-375; 20; 23, с. 495] (кстати, *Рогволод* имеет в качестве второго компонента *valdyti* «править, владеть» (древнерусское полногласие дает *волод*-) [19, с. 485-486; 20; 23, с. 730-731]).

Еще одну форму прочтения *Ragnvaldr* исследователи узрели в имени **Рагоу (и)л**, неоднократно упоминаемом в берестяных грамотах и летописях [1, с. 151; 14, с. 1]. Правда, для этого пришлось поменять неподходящие буквы: если раньше читалась вторая часть, как *-волод*, то теперь нужна заставляет видеть только *-оу (и)л* – так бывает, когда нужно получить заданный результат. В то же время можно вновь наблюдать балтский *ragas*, в латышском *rags*

с суффиксом *-ulis* может обозначать «выступающего, выделяющегося силой, могуществом» (в семантике корня *rag-* преобладает понятие «зубец» до индоевропейского «голова» [17, с. 106-108], в русском *роз* «сила, крепость, могущество» [8, т. 4, 89]). В тот же ряд можно поставить литовские *raguilos* «сани», *raguolis* «калач» (уместно вспомнить фразеологизм «тертый калач = опытный человек»), опосредовано указывающий на «упрямство, важничание» [20]. В пользу балто-славянской этимологии говорит и употребление имени в славянском именованном – Добрыня Рагуилович, воевода Мстислава Владимировича, Рагуил Добрынич, боярин Владимира Мстиславовича, Рагуил Прокопьевич, причем, мы имеем односоставный набор антропонимов, что подчеркивает их княжеское происхождение, хотя носители и занимали высокое положение при княжеском дворе.

В грамоте №907 к Гюрате пишет некий **Тоук**, имя которого исследователи в очередной раз относят к скандинавским [14, с. 1], правда, без конкретного значения [21, с. 221]. Однако, этимологию данного антропонима мы находим в балтской среде – *táukas* (*taukai*, славянское *tukъ*) «жирный, упитанный, толстый (подчеркивая здоровье)» [19, с. 459-460; 20; 23, с. 662], которое более полно раскрывается лежащим в основе индоевропейском корне *teu-* «набухать, быть сильным» [22, с. 1080-1081]. Таким образом, значение имени определяет «сильного, здорового человека», переключаясь с семантикой Лют (см. выше).

В скандинавы записали даже имя **Дрозд** (грамота №526), в котором увидели связь с *BröstR*, этимологию которого, впрочем, не упоминают [14, с. 3]. Хотя происхождение антропонима восходит к *drazdas* «темное пятно на теле (веснушчатый человек); дрозд» [19, с. 431; 20], т. е. человек имел отличительной особенностью пятно (или пятна) на теле.

Еще одна вольная трактовка предлагается для объяснения имени **Хьмоунь** (грамота №526), которое якобы происходит от скандинавского *Ha-mundR* [14, с. 3]. Только, если до этого убеждали, что *Ha-* давало *Æ/Я* (например, *Након* – *Якун*), то теперь вдруг понадобилась читать как *Хь-*, а *mundR* переходило в *моунт* (см. выше – *Воземоут*), т. е. в любом случае нужно любыми манипуляциями получать скандинавский след. Тогда как в основе лежит *šumainas* «беспокойный, шумный; крепкий» [20].

Столь же вольно исследователи манипулируют с именем **Глеб** (Глѣбъ) – пару букв убрали, одну поменяли и из скандинавского *Guðleifr* («наследник бога») получили желаемый результат [9, т. 1, с. 411]. Между тем, мы встречаем в литовском именованном *Kleibus* [18, с. 6], в прусском – *Globe, Globs, Globys, Globis* и т. п. [25, с. 35, 140], которые могут восходить к балтскому *globti* «обнимать, помогать», еще более шире в латыш. *glābt* «защищать, охранять, покровительствовать» [19, с. 183; 20]. В тоже время архаичная форма указанного глагола восходит к *glēbti* (латыш. *glēbt*) с тем же значением [19, с. 181; 20; 23, с. 187, 189]. Таким образом, значение антропонима Глеб можно определить, как «защитник, покровитель».

Не имеет отношения к скандинавам и новгородец Рюря, о долге которого рассказывает грамота №804. Исследователи признают также, что нет оснований связывать это имя и с Рюриком [4, с. 14]. Рассматриваемый антропоним может иметь этимологию от литовского *rūra* (*s*) при глаголах *rur-/ ryr-/rar-ėti* с общим посылом «много разговаривать» с разной эмоциональной окраской [20], т. е. значение имени можно определить, как «говорливый, болтун, оратор». В древнерусском именованном нередко семантически близкие антропонимы Болтун, Верещага («болтун, сварливый, шумный человек» [9, т. 1, с. 298]).

К скандинавским пытаются причислить даже имена христианских святых [14, с. 1, 3]: **Олферий** (Алферий) – сокращенная форма от Елевфарий (с греческого «свободный»), **Ф(о)лар** – форма от Флор (с латинского «цветок»), **Харл** – сокращенная форма от Харлампий (с греческого озаренный/сияющий радостью) [13].

На основе изученного материала, очевидно, что участие скандинавов в жизни Древней Руси сильно преувеличено. Рассмотренные антропонимы, которым исследователи

приписывали скандинавское происхождение, на поверку оказываются местными гидронимами и именами, имеющими балто-славянскую этимологию или принадлежащими христианским святым.

Список литературы:

1. Гиппиус А. А. Рагуиль. Страница из истории русского именослова // Русистика. Славистика. Лингвистика. Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag: Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 2003. С. 144–154.
2. Гиппиус А. А. Скандинавский след в истории новгородского боярства (в развитие гипотезы А. А. Молчанова о происхождении посадничьего рода Гюрятиничей-Роговичей). The Slavization of the Russian North. Ed. By Juhani Nuorluoto. Helsinki, 2006. с. 93-109
3. Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника 12 века. М: «Наука», 1981. 168 с.
4. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Княжье имя за пределами княжеского рода на Руси XI – начала XIII в. // Шаги/Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 9–45. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-9-45>.
5. Мельникова Е. А. Скандинавские личные имена в новгородских берестяных грамотах // Славяноведение, №2, 1999, с. 10-15.
6. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. Под ред. А. А. Шахматова. СПб. 938 стб. + 108 с.
7. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1890-1912, в 3 томах.
8. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 частях / Даль В. И. – М.: Типография А. Семена, 1863-1866.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: "Прогресс", 1986, в 4 томах.
10. Федченко О. Д. Княгиня Ольга: начало славянизации древнерусской элиты. Гуманитарная парадигма. 2020. № 2 (13). С. 103-123.
11. Федченко О. Д. О происхождении варягов Шимона и Якуна, служивших Ярославу Мудрому // Журнал исторических исследований. 2020. Т. 5. № 3. С. 9-11.
12. Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика: сборник научных трудов / / Москва: Языки славянских культур, 2000. 640 с.
13. Церковный календарь. URL: <https://azbyka.ru/days/>
14. Циммерлинг А. В. Скандинавские имена в берестяных грамотах: фонетика и нефонетика. Материалы VI международного круглого стола «Древняя Русь и германский мир в историко-филологической перспективе». Москва, НИУ ВШЭ и Институт славяноведения РАН, 13-14 июня 2013. С. 1-4
15. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Сост. О. Н. Трубачев. М.: Наука, 1974-2018. Вып. 1-41.
16. Янин В. Л. Я послал тебе бересту... // М: Языки русской культуры, 1998. 464 с.
17. Ambrazas S. Dar dėl {Kárvaičių} vardo kilmės, Baltistica. 2010, XLV (1), p. 105–118
18. Buga K. Apie lietuvių asmens vardus. Vilnius: Martyno Kuktos spaustuvė, Totorių gatvė № 20. 1911. 52 p.
19. Derksen R. Etymological dictionary of the Baltic inherited lexicon. Brill. Leiden·Boston, 2015. 684 p.
20. Lietuvių kalbos žodynas (t. I–XX, 1941–2002). Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2005. URL: <http://20.lt/>
21. Peterson Lena. *Nordiskt runnamnslexikon*. Institutet för språk och folkminnen. Uppsala. 2007. 345 p. (In Swedish)
22. Pokorny J. *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*, Bern & München, 1959. 1183 p.

23. Smoczyński W. *Słownik etymologiczny języka litewskiego* (Lietuvių kalbos etimologinis žodynas). Vilnius: Vilniaus universitetas, 2007. 823 p.

24. Suomen etymologinen sanakirja. Institute for the Languages of Finland. URL: <https://kaino.kotus.fi/suomenetymologinensanakirja/>

25. Trautmann 1974 – Trautmann R. Die altpreußischen Personennamen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1974. 204 S.

